

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ОПЛАВЛЕННЫЙ
ОРДЕН

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Оплавленный орден

«Автор»

2013

Самаров С. В.

Оплавленный орден / С. В. Самаров — «Автор»,
2013 — (Спецназ ГРУ)

Подполковник спецназа ГРУ Виталий Устюжанин ведет охоту на неуловимого террориста по прозвищу Герострат, банда которого совершила несколько дерзких терактов на территории Чечни. Схема последнего теракта была настолько совершенной, что Устюжанин невольно задумался, а не помогает ли полковому командиру кто-то из высокопоставленных офицеров. Дело в том, что Герострату с необыкновенной легкостью удалось выкрасть с тщательно охраняемого военного склада партию новейших гранатометов и спустя всего несколько дней беспрепятственно применить их против бойцов федеральных войск. Почему террористов никто не остановил? Случайность? Халатность? Или в штабе действительно завелся «крот»?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Самаров

Оплавленный орден

Глава первая

Удивительного малинового цвета закат залил небо над горами.

– Завтра день будет ветреный, – глядя на небо, сказал Шамиль.

– Можно подумать, он сегодня не ветреный, – криво усмехнулся Завгат. – Того и гляди, со склона сдует. Был бы здесь снег поверх камней, давно бы сдуло.

Ветер и вправду был серьезный, и даже смотреть против ветра было неприятно – глаза резало от его порывов, несущих пыль, и даже мелкий песок, и, наверное, льдинки. Втроем они уже целый час сидели на вершине холма среди валунов, хоть как-то прикрывающих от ветра с одной стороны. Беда была в том, что ветер не обладал устойчивостью, и, хотя официально его называли в прогнозе погоды восточным, он постоянно менялся и задувал то с северо-востока, то с юго-востока, то, в самом деле, напрямую с востока, и невозможно было определить, откуда он налетит через минуту. А суетиться на вершине холма и менять свое место после смены направления ветра не рекомендовалось. Они даже сюда, на самую вершину, последние метров двадцать забирались уже ползком, неторопливо и постепенно, преодолевая по метру в минуту, чтобы их издали не увидели. Известное дело, глаз наблюдателя может не среагировать на человека, стоящего на открытом месте, но неподвижно. Но даже краем глаза легко заметить любое движение. Остальное дело техники – припасть глазами к прибору, установленному на вышке, и засечь фигуры трех людей. Потом вызов наряда, который выезжает на паре машин, отсекает пути отступления и уничтожает тех, кто не сумел сохранить неподвижность. Охрана базы церемониться не приучена. Дважды были случаи, когда расстреливали чересчур любопытных чабанов, интересующихся издали устройством базы. Правда, говорят, у того и у другого были найдены видеокамеры, напрямую работающие на какой-то из американских спутников-шпионов, имеющих прямой выход на генштаб Грузии. Но это, как в народе считали, были только отговорки самой охраны. Спутники не нуждались в услугах чабанов, чтобы произвести видеосъемку. Они имели собственные камеры, которые регистрировали даже смещение любого предмета на десяток сантиметров с места. Тем не менее доказать неправомерность применения охраной оружия адвокаты погибших не сумели. И теперь все в округе опасались подойти близко к базе. А если уж была такая необходимость, то соблюдали предельную осторожность.

Сам Шамиль Абадиев служил когда-то, еще в советское время, в погранвойсках. Правда, служил он в горах Памира, но разница между Памиром и Кавказом была невелика и заключалась только в высоте над уровнем моря, а совсем не в методологии наблюдения. И именно там он прошел хорошо известную советскую пограничную школу, именно там его научили сидеть на посту без движения столько, сколько того потребует ситуация. И Али Бейбарсович, посылая Шамиля на задание, разрешил ему самому выбрать тех, с кем он отправится для наблюдения за базой. Шамиль выбрал Завгата Байсунгурова и Джабраила Джамидинова, на которых полагался больше, чем на других, поскольку знал их много лет. Джабраил вообще был воспитанником Шамиля, какое-то время работавшего тренером по вольной борьбе в детской юношеской спортивной школе. Джабраил был на ногу очень быстр, и это его качество всегда могло сгодиться в случае какого-то осложнения обстановки. Быстротой ног Джабраила неоднократно пользовался даже сам Али Бейбарсович, если была такая необходимость.

Ветер заставлял всех троих мерзнуть так, как они не смогли бы замерзнуть в снегопад или в настоящий мороз. Он был сырым и пронизывающим. А каким еще может быть крепкий

ветер, идущий с Каспия! Зимой он всегда бывает сырым и пронизывающим, проникающим и под одежду, и, кажется, даже под кожу человека.

– Через десять минут я начну чихать так, что в Махачкале будет слышно, – сказал Джабраил. – И сопли до моря долетят.

– Нос под камень засунь, – посоветовал Завгат. – Только камень потяжелее выбери.

Джабраил осмотрелся. Камни вокруг них были каждый весом в несколько тонн, и советом воспользоваться было бы сложно. И потому он промолчал.

– Тихо, – сказал Шамиль. – Замрите все. Часовой слева наблюдает.

Они не просто замерли, а даже лица в мерзлую землю уткнули. И не шевелились. И так не менее трех минут.

– Отбой, – тихо, не как команду дают, сказал Шамиль. Он вообще командовать не любил и всегда говорил тихо, хотя все, кому следовало, его прекрасно понимали. – Правее прибор перевел. На дорогу смотрит. Там, похоже, интереса больше.

Он поднял бинокль, чтобы самому понаблюдать за часовым. Конечно, бинокль и стационарный наблюдательный прибор, установленный на вышке охраны, вещи несравнимые. Но следовало пользоваться тем, что имелось, и не требовать невозможного. А внимание часового было сосредоточено на дороге. Причем что-то там такое привлекло его внимание, что заставило солдата поднять трубку телефона прямой связи и сообщить нечто начальнику охраны.

В принципе, гадать долго необходимости не было, хотя тройка на вершине холма и не видела со своего наблюдательного пункта саму дорогу. Но все они знали, что там должна пройти небольшая автомобильная колонна с хорошо охраняемым грузом. Они сами эту же колонну ожидали. И смогли увидеть ее только на миг, когда дорогу перестал прикрывать соседний холм и на коротком отрезке асфальтированного полотна показалось три грузовика, идущих с включенными проблесковыми маячками, две машины «ДПС» спереди и сзади с точно такими же сигналами, боевая машина пехоты спереди, и два бронетранспортера сзади. Эти без дополнительных сигналов, но пушки на башнях и спаренные с ними пулеметы говорили всей округе, что соваться к ним никому не рекомендуется. В дополнение к пушкам и пулеметам на броне бронетранспортеров сидела еще и охрана, ощерившаяся автоматными стволами, как дикобраз иглами.

– Шамиль, а почему, скажи мне, солдаты не любят в бэтэрах ездить. Все норовят на броне?

Завгат всегда, если задавал вопрос, то таким тоном, словно знал правильный ответ и просто проверял знания того, кто отвечать должен. Наверное, это не всегда было так, но к интонации задаваемых Завгатом вопросов все давно привыкли и не обращали на него внимания, даже если фраза благодаря этому тону казалась обидной, что порой случалось.

– А это на критический случай, если ты на пути встретишься, – ответил Шамиль.

– Разве я такой красавец, что мной мужики любоваться должны? Ладно бы еще девки. Я согласился бы. А тут мужики...

– Они знают, что у тебя есть гранатомет с кумулятивной гранатой. Если ты произведешь выстрел, а они будут в это время находиться внутри, то сразу в шашлык превратятся, и ты их сожрешь. На броне, они считают, им безопаснее. У снайпера только одна пуля летит. Один упадет, другие спрятаться успеют. А кумулятивный заряд Завгата никому времени спрятаться не даст.

– Я разве похож на людоеда, который из человечков шашлыки готовит? – возмутился Завгат. – И не настолько голодный, чтобы сразу столько мяса сожрать. А ты знаешь, кстати, настоящее значение слова «жрать»?

– Объясни... – спокойно сказал, как разрешил, Шамиль, педагог по образованию.

– Жрать – это жертвовать, приносить жертву. Наверное, раньше, в старину, жертва съедалась, отсюда и современное значение слова «жрать». Но совсем не то, что мы сейчас имеем в виду. Так мы говорим от безграмотности. Это я по радио слышал.

– Да, – опять согласился Шамиль. – Грамотность сейчас не в моде, и ее людям сильно не хватает. И это во всем чувствуется.

Пыл Завгата остыл.

– Такие дерьмовые, оказывается, БТРы в армии? – с каким-то удивлением спросил Джабраил. – А я-то по глупости думал...

– И бэтээры, и бээмэшки, все одинаково горят. Их даже динамическая защита не всегда спасает. Вот танк – другое дело. Тот, если в динамической защите, трудно бывает пробить даже «кумулятивкой». Но тоже жгут. Сверху в башню стреляют.

– Слаба российская армия в коленках, – сделал вывод Джабраил. – Хоть сверху стреляй, хоть снизу. Все одно – слаба. И потому даже чечены ее били.

Шамиль проявил свой педагогический такт и объяснил спокойно, без эмоций:

– Это не только российская беда. Бронемашин армий всего мира – как спичечные коробки. Есть отдельные, которые подстрелить сложно. Но там в другом недостатки. Одни плавать не умеют, у других скорость, как у инвалида-колясочника, третьи, кроме экипажа, только три человека десанта берут. Чем-то приходится жертвовать.

Колонна быстро скрылась, поскольку видимость была перекрыта вышкой с часовым и высоким забором самой базы.

– Охраняют, как атомную бомбу, – сказал Джабраил, словно выразил общие мысли.

– Кому нужна твоя атомная бомба, – проворчал Завгат. – Скучнейшее оружие. Долбанут, и никто ничего не увидит. Разве что в кинохронике через двадцать лет. И то только те, кто далеко находился. И будут смотреть и зевать от скуки. По мне, так лучше ножа вообще ничего нет. И глаза людей видишь, трусость их чувствуешь. Нож в руках, и полная голова впечатлений. Автомат и пистолет скучнее. Особенно автомат. Пистолетом хоть можно у кого-то перед носом помахать. Тоже приятно. А уж про всякие бомбы я молчу. Тем более про атомные. Это люди от пресыщения придумали. Сытый человек – он всегда ленив и противен. С ним скучно, пока ему нож не покажешь.

В подтверждение своих слов Завгат вытащил из ножен узкий и длинный, остро отточенный нож и поковырял острием под ногтем, выскребая грязь.

– Хватит болтать, – тихо распорядился Шамиль. – Спрячь нож, часовой отблеск заметит. Смотрите лучше, думайте, как пройти. Не прозевайте момент разгрузки. Запоминайте, в какие склады.

– Мы ж не глазами болтаем, – оправдался Завгат. – Болтает язык, а глаза смотрят. Возможности подойти я лично вообще не вижу. Пока не вижу. Если Али Бейбарсович прикажет, пойдем напролом. Не в первый раз.

– С нашими силами идти напролом на базу – смешно, – сказал Шамиль. – У нас двенадцать человек, а базу охраняют два взвода солдат. Значит, шестьдесят человек, как минимум. По пять на каждого из нас. Очень это приятно для самоубийц. Для остальных, думаю, не слишком. По крайней мере, для меня точно... Мне еще трех сыновей нужно на ноги поставить и научить хорошо бить федералов, чтобы дело наше продолжалось.

– Все равно без этого не обойтись, – стоял на своем Завгат. – Если не совсем напролом, то хотя бы сбоку. Или с черного хода, чтобы под пулеметы с вышек не попасть. А до начала разгрузки время еще есть...

* * *

Вообще-то, в последнем своем утверждении Завгат был прав, точно так же, наверное, как и в первом. Но относительно первого решать не Шамилю и не Завгату с Джабраилом. Али Бейбарсович сам все решить сумеет. От них только предложения ждут. Предложат – хорошо. Не предложат – Али Бейбарсович сам что-нибудь предложит. Он умеет красивые операции придумывать. На то он и командир.

А что касается разгрузки грузовиков, то, вероятно, она должна начаться не раньше чем минут через десять. И это время следует переждать, кутаясь в воротник своей куртки и пряча руки в рукава, чтобы их ветром не высушило. Так решил Шамиль и не стал больше упрекать товарища в болтливости. Но тот и сам перестал разговаривать. И эти десять минут все трое лежали молча. Ждали с нетерпением начала разгрузки, чтобы запомнить склады, куда доставят груз с грузовиков. Момент этот важный, потому что склады вскоре предстояло вскрывать, хотя и не известно было, каким образом это можно сделать при такой мощной охране. Но разгрузка все не начиналась. На ветру, когда все тело дрожит, ожидание становится особенно тяжелым и утомительным. И длится, как кажется, в два раза дольше допустимого.

– Ну, где они застряли? – не выдержал первым и проворчал Джабраил. Молодежь обычно обладает терпением несравненно меньшим, чем люди опытные. Это во всем проявляется. Молодежь торопится жить и свое ухватить от жизни, а те, кто постарше, уже мудрые – думают, прежде чем куда-то поторопиться. И в этом их сила.

Шамиль посмотрел на часы:

– Да... Застряли основательно... А время-то, между прочим, подошло обеденное. Потому-то, может быть, и застряли. То-то я смотрю, часового на левой вышке сменили не вовремя. Ему еще минут сорок стоять полагается. Причем только на левой сменить успели, а на правой все вертится, все оборачивается в сторону базы. Смотрит, ждет, когда его подменят на время обеда. Голодный, похоже. Когда я служил, помню, часовые обедали после окончания дежурства. Сейчас порядки не те стали. Вернее, порядков вообще не стало.

– И раньше в разных частях было по-разному, – возразил Завгат, который был на пару лет старше Шамиля и тоже успел послужить в армии. Правда, в строительном батальоне. С оружием во время службы дела не имел и сейчас старательно наверстывал упущенное.

– Может. На границе так было, – тихо ответил Шамиль. – Я к чему разговор веду. Грузчики со склада и солдаты конвоя тоже, похоже, в столовую пошли. И они голодные. Им, наверное, аттестат на разовое питание выписывали. Здесь так уже делали. Слышал я. Прикомандированных ставят на довольствие, даже если прибыли на один день. Только ставят заранее. Начальник базы порядок любит.

– И что? – не понял Джабраил, потирая длинный нос.

– Ничего. Ждать придется лишних полчаса, вот что, – сердито сказал Завгат.

– Сейчас точно чихать начну... – всерьез пообещал Джабраил. – От расстройства и от обманутых надежд. У меня чих с детства психованный.

– Ага... Вот и полковник Исмаилов едет, – кивнул Шамиль в сторону дороги.

По дороге проезжал зеленый военный уазик со значком МВД на дверце. Впрочем, сам значок с такого расстояния мог рассмотреть только Шамиль, который поднял бинокль...

* * *

Начальника районной пожарной охраны полковника Исмаилова, несмотря на его высокое офицерское звание, заставили подождать на КПП, пока не найдут начальника базы, к которому он, собственно, и приехал. Нашли майора, впрочем, довольно быстро – солдат давно уже

научили не ходить, а бегать, и тот по телефону дал команду пропустить машину полковника на территорию.

Ворота раскрыли, и через стекло дверцы подсказали, что майор Луценко находится в столовой, и зовет «товарища полковника» разделить с ним обед. Что-то, а обеды полковник Исмаилов всегда не то что любил, но уважал, и даже с некоторым трепетом относился к этому слову и понятию. И потому дал команду водителю ехать к столовой незамедлительно.

Полковник зашел в столовую, не заботясь о водителе, который, как показывала практика подобных визитов, сам, если захочет, найдет дорогу к дежурному по кухне. Однако голод водителя не терзал и он предпочел остаться в машине. Но самого полковника встретили уже за порогом и сразу провели в отдельную комнату, громко называемую офицерским залом. Обычно там в первую смену обедал только сам начальник базы майор Луценко, два старших лейтенанта – командиры взводов охраны, и капитан Стручкявичус, начальник охраны, считающийся одновременно и командиром роты охраны, хотя формально роты в его подчинении не было. Это, впрочем, капитана Стручкявичуса не расстраивало. Чем меньше солдат, тем проще ими управлять. Во вторую смену комната отдавалась в распоряжение прапорщиков и гражданских лиц, занимавших должности начальников отдельных складов или даже группы складов, в зависимости от номенклатуры.

– Что, товарищ полковник, разлюбили вы, кажется, нашу кухню? – протягивая руку для приветствия, спросил майор Луценко.

– Откуда такие подозрения, Юрий Иванович? – улыбнулся полковник Исмаилов.

– Две недели вас не было.

– Занят был сильно. Новую технику сначала выбивал по старым связям, потом и получал сам, чтобы не втюхали невесть что. Теперь вот новая забота добавилась – старую надо списывать и отправлять подальше.

– А куда ее отправляют? – невинно поинтересовался капитан Стручкявичус. – Если просто в утиль, я бы со своим командованием связался. Нам как раз грузовик для личного состава нужен. А пожарную машину в грузовик переделать – не проблема.

– Нет. Кто ж их списывать будет, когда все на ходу, в рабочем состоянии. У меня техника всегда безотказно работает. Слежу за этим.

– Тогда – куда? – продолжал расспросы Стручкявичус.

– О-о-ой... По разным и всяким отдаленным селам и поселкам, где своей техники нет. Все, конечно, внутри нашего района, понятно. Мне чужих подкармливать смысла нет. Я только за свой район отвечаю. А в некоторых местах ведь не то что машин, даже профессиональной пожарной команды никогда не было. Есть только пожарные дружины. Мы их сами и снабжаем, и обучаем. Но и им тоже техника по уставу полагается. Конечно, не новая. От нас получают достойную, в обиде не будут. И нам легче, если что случится.

Сам полковник Исмаилов был обижен на судьбу и на свое начальство. Он раньше служил в Махачкале, занимал какой-то высокий пост в республиканском управлении МЧС. Но провинился перед республиканским руководством корпуса, и его на несколько последних перед пенсией лет отправили в отдаленный поселок руководить пожарной охраной района. Причем полковника – на майорскую должность, что являлось суровым наказанием. Более суровым могло бы быть только увольнение. Этот перевод и на пенсии должен был бы сказаться. Как тут не обижаться, когда жизнь дорожает намного быстрее, чем растут пенсии. Но обиды обидами, а дослуживать Исмаилову, смирившись с происшедшим, приходилось, раз уж погоны не снял. Все об этой истории знали и уважали полковника, что он так вот, без жалоб, по-мужски переносил неудачи. Но от подобных неприятностей в современной жизни никто не застрахован, в том числе и офицеры базы. И потому они, как могли, поддерживали Исмаилова, хотя поддержка с их стороны могла быть только моральная.

– Так всю новую технику приняли? – спросил майор Луценко.

– Приняли, – кивнул полковник. – Места на все вместе у нас, как полагается, не хватает. Свободная старая техника сейчас на площадке перед нашей «пожаркой» стоит.

– Я проезжал мимо. Видел и удивился. Думал, смотр какой-то устраиваете.

– Нет. Не смотр. Ставить больше некуда. Просто все подлатали, подремонтировали, подкрасили. А я вот к вам за помощью приехал.

Последние слова прозвучали как-то неожиданно. Показалось даже, будто полковник желает попросить офицеров поработать у него в «пожарке» малярами. Или на худой конец попросить на время группу солдат на эту же роль.

– За помощью? – переспросил Луценко, настораживаясь, о чем обычно говорила его скользкая блуждающая улыбочка. – Ну, чем сможем, рады будем. Только силы у нас, особенно материально-технические, по сути дела, никакие, сами знаете: один бульдозер и четыре автопогрузчика. Да еще автомобильный кран. И у охраны два бронетранспортера. При полном отсутствии ремонтной базы. Водители сами свой транспорт обслуживают, как могут. Все остальное, что на территории появляется, только приходит и после разгрузки уходит.

Полковник отрицательно покачал головой:

– Мне другая помощь понадобится может. В первую очередь оружие нужно, хотя я понимаю, что это сложно, если вообще возможно.

Луценко ответил, не задумываясь:

– Вы даже не понимаете, насколько это сложно. Сам я, без письменного приказа и оформления соответствующих документов, распоряжаться оружием со складов не имею права. Меня за это могут под суд отдать. И наверняка отдадут, возьми я на себя ответственность.

– Мне бы хоть с десятков автоматов с боекомплектом.

Майор Луценко проявил твердость:

– Никак невозможно. Вам, товарищ полковник, необходимо по инстанции обратиться. Будет разнарядка, я обеспечу. А зачем оружие-то понадобилось? Вам, пожарным... Не понимаю...

Полковник Исмаилов, выдерживая значительную паузу, поочередно посмотрел на каждого из собравшихся, потом вытащил из кармана свою трубку, положил на стол и сообщил:

– Звонили тут мне позавчера...

Трубка, видимо, выступала в данной ситуации свидетелем звонка.

Офицеры переглянулись, не понимая, о чем идет речь.

– Кто звонил? – спросил Стручкявичус.

– Герострат¹... – угрожающим и почти таинственным голосом сообщил полковник.

– Снова объявился! – Майор Луценко хотел стукнуть кулаком по столу, но удержал кулак в воздухе и просто потряс им, потому что на столе стояли тарелки с супом, и он мог пролиться.

– Ге-ро-страт... – членораздельно, с философической мудростью повторил кличку бандита капитан Стручкявичус.

Эта странная личность уже несколько раз «засвечивалась» в районе. Обычно Герострат звонил кому-то, дважды даже в милицию, еще до того как она стала называться полицией, предупреждал, что устроит поджог, и через несколько дней в самом деле устраивал поджог. Раньше он места не называл. Потом, предупреждая, стал и место называть. Ему пытались противостоять и даже однажды устроили засаду, которая не должна была выпустить бандитов. Но Герострат и тут всех перехитрил. Он словно бы знал о том, что ему готовят, принял соответствующие меры, и засада эта взорвалась на заранее подложенном в здание СВУ². А в результате взрыва возник мощный пожар, в котором сгорели тела убитых и раненые участники засады

¹ Герострат – житель древнегреческого Эфеса, который сжег гордость города – великолепный храм Артемиды в 356 году до н. э.

² СВУ – самодельное взрывное устройство.

из состава районного ОМОНа. Дом был напичкан горючими материалами, тоже завезенными туда загодя. Это произошло чуть более месяца назад, и даже состав ОМОНа в районном отделе полиции восстановить еще не успели. Тем более не успели никого подготовить на смену погибшим, потому что процесс подготовки омоновца не есть дело нескольких дней и даже месяцев. И простым навешиванием на спину надписи «ОМОН» боевого специалиста не создашь.

– И что же он вам сказал? – поинтересовался майор Луценко.

– Что он может сказать, Юрий Иванович... Он всегда и всем, когда звонит, говорит одно и то же. Предупреждает и грозит... Пока все это с его стороны было обоснованно. Что обещал, делал. И сомневаться в том, что он человек серьезный, не приходится. У меня трубка с возможностью записи телефонных разговоров. Я записал разговор. Правда, не сначала. Я же не знал, что это он звонит. А когда понял, что разговор принимает неприятный оборот, решил на всякий случай записать, даже не зная еще, что это Герострат. Но сразу, вслепую, никак диктофон включить не получалось. Когда трубка около уха, кнопки не видно. Но я все же умудрился не ошибиться. Будете слушать?

– Включайте... – предложил капитан Стручкявичус, который уже вообразил себя лицом наиболее заинтересованным, поскольку понимал, с какой именно просьбой прибыл на склад полковник Исмаилов. Понимал и то, что просьба о вооружении бойцов пожарной охраны автоматами была не серьезной просьбой, а просто вступлением к серьезной просьбе. Своего рода промежуточным звеном. Исмаилов не мог не знать, что выделить его команде автоматы никто не согласится. А вот выделить автоматчиков, скорее всего, придется. И возглавлять этих автоматчиков должен будет именно капитан Стручкявичус.

Полковник Исмаилов взял со стола свою трубку, близоруко сощурил глаза, похлопал себя привычно по карману, отыскивая очки, но не нашел их. И потому осторожно, боясь ошибиться, нажал одну за другой несколько кнопок и клавишей сбоку, включил громкость на предельный уровень, чтобы слышно было всем, в том числе и старшим лейтенантам, скромно сидящим за другим концом стола, помалкивающим, пока разговаривают старшие офицеры.

– ...Я рад, что тебе наконец-то дали эту новую технику, – сказал тихий, невыразительный голос. – Ты же так долго ждал ее...

– А тебе-то какое дело до этого? Ты вообще кто такой?

– Ты, полковник, слышал обо мне, как я думаю. Обо мне многие, конечно, слышали. Но ты просто обязан был слышать. У нас с тобой профессии схожие. Ну, не совсем схожие, а скорее родственные. Одна другую кормит. Ты-то меня, по большому счету, кормить не можешь, но я вот тебя – с превеликим удовольствием.

– О чем ты говоришь? Давай без загадок. А то я просто отключу связь. Мне некогда болтовней заниматься.

– Я еще раз позвоню. Я упорный...

– А я отвечать не буду. Я твой номер запомнил. И передам номер куда следует, чтобы ты больше не мешал людям заниматься их профессиональной деятельностью. Ответственной деятельностью. Есть у меня для этого власть. А то телефонные хулиганы надоели.

– У меня этих номеров десятки. Но ты ответишь, потому что тебе необходимо со мной поговорить и услышать, что я тебе скажу.

– Может, все-таки назовешь себя? А то твоя важность надоедать начинает. Я важных с детства не любил и пинками гонял.

– Да, наверное, уже пора и представиться. А то разговор у нас с тобой получается беспредметный. Итак... Некоторые зовут меня Геростратом. Мне вообще-то это нравится. Звучное имя, красивое. Столько веков прошло, а оно всегда в памяти народной. Как ни приказывали его забыть. Да и тебе, как догадываюсь, мое имя что-то говорит. Верно?

– Говорит, поджигатель.

– И что?

– Что убить тебя пора, как того, настоящего Герострата убили.

Даже по голосу было слышно, как взволновал полковника Исмаилова этот разговор.

– Его не убили. Его казнили. Для того, видимо, чтобы его имя в веках осталось. Но люди-то помнят, хотя было это, если мне память не отшибло, в четвертом веке до новой эры. А меня убивать закон не позволяет. Меня только посадить можно. Сто шестьдесят седьмая статья³. Это не так страшно, как ты думаешь. Меня на любой зоне примут, как дорогого гостя.

– Ошибаешься относительно статьи. Тебе в довесок двести пятая⁴ катит. А это уже пожизненное заключение. Такого, как бы ни приняли, все равно забьют вертухай.

– Сомневаюсь относительно двести пятой. Это еще доказать надо. Хороший адвокат любые доводы следствия расколет, и на мне только поджог останется. У меня есть такой адвокат. Я аккуратный, боюсь... – Герострат громко и лениво зевнул в трубку.

– Ладно, ты, как я понимаю, видишь в себе моего работодателя? Правильно я понимаю?

– Не правильно. Я вижу в тебе, полковник, своего прямого противника. И потому решил тебя обезоружить. Потому тебе и звоню. Ты же слышал, наверное, что я, как человек серьезный и благородный, имею привычку предупреждать о своих действиях. Так вот, я решил уничтожить твою технику. Может быть, вместе с тобой. Я подумаю еще.

– Спасибо за предупреждение. Буду готов тебя встретить. Если уж не автоматной очередью, то хотя бы охлажу твой пыл из пожарного рукава. При максимальном напоре воды. Когда пожалеешь? Скажи, чтобы я воды в машины полные емкости залил.

– На днях...

– Точнее не скажешь?

– Сам не знаю. Как настроение будет. Жди...

³ Статья 167 УК РФ, предусматривающая наказание за умышленное уничтожение чужого имущества путем поджога или иных действий, направленных на уничтожение или повреждение чужого имущества.

⁴ Статья 205 УК РФ, предусматривает наказание за террористическую деятельность.

Глава вторая

Полковник отключил функции диктофона.

– Кто-то постарается меня убедить, что опасения мои напрасны? – спросил он с легким вызовом. – Сразу скажу, что не соглашусь.

Майор Луценко хотел было что-то ответить и даже поднялся из-за стола для придания серьезности своим словам, но у него в кармане в это время зазвонил мобильник. Он вытащил его и глянул на определитель:

– Дежурный. Слушаю тебя. Ага... И что ему надо? Ладно, прикажи пропустить. Пусть до столовой его проводят. Мы здесь сидим. И его накормим.

Как раз в это время в дверь постучали, потом вошел прапорщик с кухни и с ним солдат с подносом. Принесли обед для полковника Исмаилова.

– Вовремя, – сказал майор Луценко. – Еще на одного человека принесите. Сейчас подъедет.

Прапорщик в знак согласия кивнул. И вышел вместе с солдатом. Манеры прапорщика чем-то походили на манеры официанта, снующего в ресторане между столиками, хотя поднос нес вовсе не он, а солдат. И двигался солдат совсем иначе, скорее, как столб или как часовой из новобранцев на ответственном посту.

– Кто там приехал, Юрий Иванович? – поинтересовался капитан Стручкявичус.

– Видимо, относительно сегодняшней партии. Особист этот... Или как они теперь называются... Майор Чередниченко, короче...

– Понятно.

– У вас что, аврал сегодня какой-то? – между делом спросил Исмаилов.

– Да, привезли какую-то партию непонятно чего. Что-то экспериментальное.

– То-то я смотрю, солдат в столовой вроде бы как больше, чем было. И офицеры вместе с солдатами за столами.

– Глазастый вы человек, товарищ полковник, – только и сказал Луценко. И тут же ловко перевел разговор на другую тему, не желая касаться в беседе пришедшего груза. – Кстати, майор Чередниченко, наш куратор из ФСБ, возможно, сумеет и вам что-то подсказать по вашему вопросу. Дождемся. От ворот путь недолгий. Он, как-никак, офицер как раз подходящей службы. Думаю, сумеет оценить и угрозы в ваш адрес.

Ждать долго не пришлось. «Уазик» с гражданскими номерами остановился под окнами, и майор Луценко, как гостеприимный хозяин, известный хорошими обедами в офицерском зале, подошел к двери, чтобы сразу за порогом встретить вновь прибывшего, как недавно встречал полковника Исмаилова. Вошедший, абсолютно лысый офицер, у которого даже на висках волосы были тщательно выбриты, казался чрезвычайно спокойным и уравновешенным человеком с устойчивой психикой. Вывести такого из равновесия было, наверное, невозможно. Майор Чередниченко поочередно осмотрел всех присутствующих ровным, ничего не выражающим взглядом, и только после этого сказал:

– Здравия всем желаю. – И прошел вокруг стола, поочередно поджимая присутствующим руки.

– Присаживайтесь, Антон Викторович, – предложил майор Луценко. – Сейчас вам обед принесут. А пока мы вас информацией загрузим. По вашему профилю...

– По моему профилю? – удивился Чередниченко. – Интересно. Шпиона китайского поймали? Или американского? Я забыл, какие у нас сегодня в моде.

– Ну, сейчас если американские, то обязательно негры с русской фамилией, – пошутил Стручкявичус.

– Ну, не совсем по вашему, но по профилю ФСБ, по крайней мере. – Майор Луценко не обратил внимания на шутку капитана и сохранил серьезный тон разговора. – Познакомьтесь, кстати, полковник Исмаилов – начальник управления пожарной охраны района. Он сейчас вам кое-что расскажет. Прошу, товарищ полковник...

Исмаилов отложил ложку и стал коротко пересказывать то, что только что рассказывал в подробностях. Майор ФСБ внимательно слушал.

– А запись можно послушать? – спросил он.

– Нет проблем. – Полковник достал трубку и включил функцию диктофона.

Когда прослушивание закончилось, Чередниченко резко встал:

– Извините, товарищ полковник. Я обязательно должен переписать вашу беседу с Геростратом. Если я не сделаю этого, меня просто со службы выгонят. Я, конечно, сильно преувеличиваю, но эта запись нам необходима.

– Я не взял с собой гарнитуру от трубки и не знаю, как вам помочь, – признался полковник. – Трубку подключить без гарнитуры к другому устройству невозможно.

– У меня в машине и оборудование есть, и специалист. Разрешите ваш мобильник... на пять минут. Он все сделает. Дело в том, что дурной пример заразителен. У нас имеются записи подобных разговоров уже в немалом количестве. Если я не ошибаюсь, штук семь. Эта будет восьмая. И у Герострата всегда разный голос. Он предупреждает, но не нападает. Вернее, предупреждает не он, а по его примеру или другие бандиты, или просто телефонные террористы. Создают напряжение в обществе. И потому я не уверен, что на вашу пожарную часть будет произведено нападение, хотя осторожность вам соблюдать следует. Однако голос Герострата следует идентифицировать с другими голосами. Хотя бы для того, чтобы знать голос настоящего поджигателя, если нападение на вас все же произойдет. Разрешите телефончик...

Полковник неохотно протянул трубку. Майор Чередниченко сразу вышел, и в окно столовой было видно, как он приблизился к своей машине, открыл заднюю дверцу и через нее беседовал с кем-то. Потом передал трубку человеку в машине.

– А что вы своего специалиста в столовую не взяли? – спросил майор Луценко, когда Чередниченко вернулся.

– Он работает. Это солдат-срочник и одновременно компьютерный гений. Со мной он случайно оказался. Просто заканчивает начатую в машине работу и не может надолго прервать ее без ущерба для результата. А мне машина нужна была. Другой под рукой не оказалось. Я поехал на этой и взял солдата с собой. Вообще-то он относится к управлению «К». А это иной профиль. Но запись с трубки он скачает. Как закончит, постучит в окно.

Полковник Исмаилов, соглашаясь, кивнул:

– У меня там много служебных телефонных номеров, без которых я обходиться не могу. Он ничего не сотрет?

– Я приказал только скопировать запись с диктофона. Парень умный. Разберется. Но вернемся к вашей...

Майор замолчал, среагировав на стук в дверь и появление прапорщика и солдата с подносом, доставивших обед майору. Едва они вышли и за ними закрылась дверь, Антон Викторович договорил начатую фразу:

– Но вернемся, товарищ полковник, к вашей ситуации.

– Я для того сюда и приехал, – согласился Исмаилов, – чтобы посоветоваться.

– Давайте будем думать сообща, – согласился Чередниченко. – Вы, товарищ полковник, в какие-то инстанции уже обращались?

– Естественно, в первую очередь в райотдел полиции сунулся. Там руками развели. Если, говорят, Герострат на них нападет, им самим отбиться будет сложно. Об этом Герострате вообще ничего неизвестно. Сколько у него человек в банде? Какая у него специализация? Что он умеет и что способен сделать? У нас ведь как... Кто-то смертников готовит, кто-то ментов

расстреливает. Кто-то на представителей власти охотится. Кто-то только на федеральных военнослужащих. У разных банд разные возможности и в человеческих ресурсах, и в оружии, и в тактике действий. Были раньше в районе две банды. Обе уничтожены еще два года назад. Про тех все известно было. И личный состав, и оружие. Даже связи с родственниками отслеживали. А кто такой Герострат? Кто что о нем знает? Где он базируется, где действует? В полиции только руками развели. Но пообещали прислать мне трех молодых омонцев. Что со старыми случилось, вы, наверное, слышали. Один человек уцелел, и тот уже инвалидность оформляет.

По голосу Исмаилова можно было понять, что он растерян из-за угрозы.

– Вы, товарищ полковник, сильно не расстраивайтесь. Я же говорю, по трем смежным и по одному отдаленному районам были зарегистрированы подобные звонки. Это только за последние три недели. И ни по одному из них нападения не случилось. Значит, и вам паниковать причины нет. Хотя я и предупреждаю, что не могу вам дать гарантию полной безопасности. Мы ничего, как вы верно заметили, практически не знаем об этом Герострате, кроме его небывалой наглости и, что несомненно, высокого интеллекта. Это не просто какой-нибудь тракторист из разорившегося колхоза или чабан с гор, оставшийся без своих отар, который понятия не имеет о Герострате. Наверняка у нынешнего Герострата есть высшее образование, предположительно историческое или филологическое, потому что инженеру тоже вовсе не обязательно знать историю Древней Греции.

– А если трактористу или чабану книжка про Герострата в руки попала? – возразил капитан Стручкявичус. – Прочитал, понравилось. А воображение у местных людей богатое. Вот оно и разыграло. Точно так же, товарищ майор, может и с инженером произойти, и с врачом, и с каменщиком, да с кем угодно. И потому мне ваши выводы кажется притянутыми за уши. И согласиться с ними я не могу.

– Да, капитан, допускаю, что ты прав, – сказал Чередниченко. – Но выводы эти не я делал, а наш аналитический отдел, где филологи работают, и фонетики, и психологи, и специалисты по нейролингвистическому программированию, и еще всякие специалисты, профили деятельности которых лично я в жизни не запомню. И опирались они в том числе на анализ записей разговоров Герострата. Точно таких разговоров, как дал прослушать нам товарищ полковник. Форма общения, форма построения фразы, форма выражения мысли – это все аналитики мировой науки давно классифицировали, и потому наши специалисты, опираясь на эту классификацию, сделали свои выводы с учетом местного менталитета. Как правило, они не ошибаются. А работали аналитики всерьез. После того как ваш районный ОМОН угодил в ловушку Герострата, им занялись плотно. Обычно это дает плоды. В данном случае результатов нет. Есть только предположения и выводы аналитического отдела. А в них нет, к сожалению, адреса самого «виновника торжества». Но сколько бы веревочка ни вилась... Данные имеют особенность накапливаться. А когда они накопятся в достаточном количестве, факты начнут через край перехлестывать. Вот тогда выводы и появятся. И конкретные данные появятся. Местный Герострат не так часто себя обнаруживает, не знаю уж, к счастью или к сожалению. Но в последнее время он наглеть начал. На этом большинство бандитов заваливаются. И он обязательно завалится. Но это все общие рассуждения. А мне не хотелось бы, чтобы пострадала ваша пожарная часть, товарищ полковник. И потому я думаю, что вы сможете сделать, если, скажем, через пятнадцать минут будет предпринята атака на ваше хозяйство. Когда вам пришлют подрастающее поколение омонцев?

– Завтра утром. Обещают до рассвета. Это хотя бы три ствола. Наверное, и автоматы у них с подствольниками. Три ствола могут оказаться полезными и на какое-то время задержать бандитов. Сорвать их первую атаку. И все...

– Именно так, – согласился Стручкявичус. – Задержать первую атаку, но не больше. Три ствола легко подавить всего пятью или шестью точно такими же стволами. Шесть автоматчиков создадут необходимую плотность огня и прикроют подход остальных. А дальше уже, когда бан-

диты ворвутся в помещения, будут просто расстреливать. Сколько людей у Герострата, товарищ майор? Известно?

– Данных нет, – сказал Чередниченко и пристально посмотрел на Стручкявичус.

– Что, товарищ майор? – ответил начальник охраны базы вопросом на взгляд Чередниченко. – Я что-то не то спросил?

– Нет. Просто я прикидываю, какое расстояние от ворот базы до «пожарки».

– Около двух с половиной километров, – за капитана ответил полковник.

Капитан только вздохнул. Он уже предполагал, что разговор сведется именно к этому еще тогда, когда полковник стал просить автоматы, зная прекрасно, что никто ему оружия не даст. Только тогда к этому хотел подвести сам Исмаилов, а теперь в ту же сторону гнет разговор Чередниченко. Хотя вздыхать тут было нечего. Капитан готов оказать помощь пожарным своими наличными силами, не занятыми на охране базы. А это всего только взвод. Ну, может быть, еще отделение второго взвода может добавить. Всеми силами отправиться на выручку капитан не имеет права. Охрану с базы снимать нельзя. Тем более сейчас, когда прибыл этот экспериментальный груз.

– Ну что, думаю, капитан Стручкявичус будет в состоянии обеспечить вам поддержку силами свободных от дежурства бойцов, – сделал вывод майор Чередниченко. – Ему «по тревоге» можно до вас добраться за несколько минут. Часть людей в бронетранспортеры, часть – на броню. И таким манером сразу в бой...

– Я готов, – согласился Стручкявичус.

– И с полицией надо согласовать, – добавил Чередниченко. – Чтобы они всеми наличными силами ударили одновременно с капитаном Стручкявичусом.

– С полицией я договорюсь, – пообещал Исмаилов. – У нас с полицией добрососедские уважительные отношения.

В дверь постучали.

– Да-да, входите... – разрешил майор Луценко.

Дверь открылась. За порогом стояли два офицера из состава конвоя недавно привезенного груза. Входить в комнату они не стали:

– Товарищ майор, мы готовы к разгрузке. Нам еще назад возвращаться в темноте. Нельзя процесс поторопить?

– Вы в канцелярии были? – спросил Юрий Иванович.

– Так точно. Все документы оформили.

– Идите. Я через две минуты буду...

* * *

– Подъезжают... Начинается...

Шамиль поднял к глазам бинокль, посмотрел на левую вышку с часовым, на правую, убедился, что оба часовых наблюдают за территорией, и тоже решил перевести бинокль туда же. С вершины холма улицы базы просматривались хорошо, но только те, что шли вдоль, поперечных же видно не было. Хорошо еще, что каждая улица начинается и заканчивается углом одного и того же склада. Но, к счастью, все складские ворота выходили на продольные улицы. Следовательно, просмотреть момент выгрузки невозможно.

И Шамиль не просмотрел. И даже планкарту базы вытащил зачוכеневшими пальцами из внутреннего кармана своей куртки и нанес цветным карандашом обозначение каждого из трех ангаров-складов. Дело было сделано. Али Бейбарсович останется доволен.

Теперь можно было отходить.

– Как раки пятятся? – спросил Шамиль.

– Пятятся они, как раки, – мудро ответил Завгат.

– Вот и мы таким же манером пятимся. Все. Уходим...

Глава третья

До того как поступил сигнал от самого полковника Исмаилова, капитану Стручкявичусу среди ночи позвонил по служебному телефону, разбудив его, один из командиров взводов, заступивший на службу начальником караула.

– Товарищ капитан, часовой с вышки сообщил – в поселке была слышна активная автоматная стрельба.

– И что? – сонно спросил капитан.

– Я вот думаю, это не в «пожарке» ли? Как днем полковник предупреждал...

– Он бы позвонил. Ладно. Я сам сейчас в полицию позвоню. На всякий случай подними свою отдыхающую смену. Пусть будет готова к выезду.

Но позвонить в полицию капитан Стручкявичус не успел, потому что «подал голос» его мобильник. Звонил Исмаилов.

– Слушаю вас, товарищ полковник...

– Капитан. Началось. Они напали. Выехать сможешь?

– Понял. Поднимаю взвод по тревоге.

– Я сам еще дома. Чуть позже вас, наверное, доберусь. В полицию я уже позвонил. Они сами стрельбу слышали. Уже выслали два наряда с автоматами. Наверное, уже там или вот-вот там будут. У меня мой дежурный спрашивает, можно ли новые машины к вам на базу загнать? Хотя бы просто за ворота. Туда бандиты не сунутся.

– Я распоряжусь, чтобы пустили. Смогут через бандитов прорваться?

– Они через задние ворота выедут. И в обход двух кварталов двинутся.

– Пусть едут.

– Тогда ждем вас на месте. Дежурный сказал, бандитов больше двадцати человек. Это по его прикидкам. У нас пока только омовцы отстреливаются из разных окон. Но как-то оборону держат. Ворота у нас крепкие, однако снаряд гранатомета не выдержат. Если ворвутся, всей смене плохо придется. Можно с помощью поторопиться?

– Понял. Еду...

Еще не завершив разговор, капитан уже нажал «тревожную кнопку» и услышал, как в казарме за его дверью сработала сирена. Свободный взвод поднимался. На пульте начальника караула тоже прозвучал сигнал тревоги. Значит, и еще одно отделение готово выступить в дополнение к свободному взводу. Капитан позвонил майору Луценко. Юрий Иванович ответил сразу, словно и не спал:

– Слышу твою сирену, капитан. Что там? Исмаилов?

– Он самый, товарищ майор.

– Готов?

– Собираюсь.

– Я в гараж сам позвоню. Тэтэры твои вышлю.

– Хорошо, товарищ майор. Пусть к казарме подъезжают. Я сейчас с полковником разговаривал. Он просит разрешения перегнать несколько новых машин к нам за ворота, чтобы бандиты их не пожгли. Здесь они хоть под охраной будут.

– Пусть подгоняет. А сам как? Как всем составом в двух тэтэрах разместитесь?

– Два отделения внутри, два на броне. Больше людей никак с собой не взять. Да и посты оголять нельзя. Тем более сегодня...

– Тем более сегодня... – эхом повторил майор.

Оба знали, что уже завтра новое экспериментальное оружие должны забрать с базы тремя партиями с разных складов. Одна партия поступит на испытания в войска, другую отправят в Абхазию для усиления сил абхазской самообороны, а последняя будет отправлена сна-

чала в Северную Осетию, откуда уже какими-то путями ее переправят в Южную Осетию. Все поставки, за исключением поставок в свои войска, естественно, должны быть негласными, и вообще передача экспериментального оружия обычно покрыта мраком тайны, которая в этот раз по необходимости была открыта только участникам переправки оружия.

Капитан Стручкявичус быстро собрался и вышел в казарму, когда строй уже стоял в полной боевой экипировке, готовый выслушать приказ командира роты. Приказ прозвучал не вполне определенный, но дать более конкретное задание было невозможно.

Бронетранспортеры, судя по звукам, уже подошли к казарме. Произвели загрузку. Место командира в передовой машине занял капитан Стручкявичус, во второй – командир взвода. На каждой машине на броне разместилось по дополнительному отделению солдат. И сразу же после загрузки двинулись, стараясь не терять время. Ворота уже были раскрыты по приказу майора Луценко, и на выезде задержки не произошло. Все шло как планировалось, как представлял себе капитан Стручкявичус еще вчера. А представлял капитан, как бойцы проведут десантирование из движущегося БТРа, рассыпятся цепью по площади перед зданием пожарной охраны и с ходу начнут бой. В принципе, открыть огонь они смогут еще до начала десантирования. Это для того, чтобы сразу подавить возможность встречного огня. Здесь же и пулеметы самого БТРа включатся. Такая мощная атака двумя бронетранспортерами с тыла способна сломить и смять самое сильное армейское подразделение, не то что малоорганизованную и плохо обученную банду. Именно для одновременного десантирования и создания огня высокой плотности капитан приказал на последней улице бронетранспортерам ехать рядом друг с другом, занимая всю ширину проезжей части. Машин там быть не должно, потому что эта улица только еще застраивается и днем на ней возятся рабочие, но ночью нет никого. Так что дорога будет свободной. Провести таким образом атаку подсказал полковник Исмаилов. Он хоть и пожарный, но с головой и в боевой обстановке соображать умел. Стручкявичус легко согласился с предложением полковника.

Но продолжение было совсем не таким, каким его представлял капитан...

* * *

Шамиль командовал тем же звеном, с которым ходил в разведку. Рядом, в доме через дорогу, засело еще одно звено, равное по силам. На их долю второй бронетранспортер. Завгат, как и говорил ему Шамиль, высунул в окно недостроенного дома длинную трубу гранатомета «РПГ-7» с зарядом кумулятивной гранаты. А сам Шамиль вместе с Джабраилом приготовились стрелять из подствольников осколочными гранатами. Подствольниками они оба умели хорошо пользоваться. При прицеливании приклад автомата укладывали поверх плеча, чтобы избежать отдачи, способной свалить с ног. После выстрела из подствольника тоже секунд пять или шесть нужно приходиться в себя. Но бронетранспортеры, вернее, десант, сидящий на броне, тоже не сразу в себя придет. Часть сразу осколками с брони снимет, а остальные только успеют подняться после раздавшегося рядом взрыва, еще не понимая, что происходит, как прозвучат автоматные очереди. Три автомата с одной стороны дороги, три автомата с противоположной стороны – этого за глаза хватит, чтобы за десяток секунд уничтожить всех, кто уцелеет после выстрелов из подствольников. Две гранаты – это четыреста осколков, от которых невозможно увернуться. Тем более что два идущих рядом БТРа будут своей броней рикошетить осколками в соседа. Хотя кого-то броня наверняка и прикроет. Но этим пули достанутся. Им негде будет укрыться. Дорога узкая, газон есть, но он еще не засажен кустами и деревьями, закрывающими обзор стрелкам. Весь этот квартал представляет собой новостройки. А вокруг новостроек всегда пустыри. Открытое место. И за горящими бронетранспортерами укрыться будет невозможно. Там такой пожарище вспыхнет, что броня станет сначала красной, потом местами побелеет и только к утру, может быть, начнет чернеть. Рядом никто выстоять не смо-

жет. А те, кто окажутся внутри, сгорят за секунды. Они даже выбраться не успеют. Бронетранспортер – спичечный коробок. И весь боезапас взорвется меньше чем через минуту. Кумулятивная граната умеет с такой техникой расправляться...

Улица, хотя и была только-только застраиваемой, уже имела освещение, которое, впрочем, ночью обычно выключалось, но именно в эту ночь кто-то словно специально забыл отключить подачу электроэнергии. Может, просто автоматика отказала. И освещение позволило увидеть быстрое и стремительное движение мощных и тяжелых бронетранспортеров. Десанту требовалось обладать обезьяньей ловкостью, чтобы удерживаться на броне в поворотах и тогда, когда тяжелые машины подпрыгивали на ухабах. Дорожное полотно в поселке было отвратительным, и легковые машины здесь быстро ездить не могли. Но БТРы себе такую роскошь позволяли. Впрочем, если они даже и не так быстро ехали, все равно при их мощи движение казалось стремительным.

– Не прозевай! – предупредил Шамиль.

– Не прозеваю, – пообещал Завгат.

И уже через пару секунд громогласно ухнул гранатомет. И, сливаясь с ним звуком, ударил второй с противоположной стороны улицы. И следом, почти одновременно, ударили четыре подствольника. Затем заговорили четыре автомата, потом, с опозданием на пару секунд, еще два. Один за другим взорвались боекомплекты внутри бронетранспортеров. Никому покинуть горящие машины не удалось. Только на первой машине откинулся командирский люк и человек успел наполовину высунуться из люка, но тут же свалился внутрь.

Сколько солдат уцелело на втором бронетранспортере, Шамиль не видел. Знал только, что после выстрелов из подствольников с первого БТРа спрыгнули двое, а одного отбросило взрывной волной. Но он быстро встал и перекатился в сторону, в то время как два его товарища были тут же срублены автоматными очередями. Лежащий солдат видел, откуда в них стреляют, и успел в ответ выпустить очередь. И сразу заглох автомат Джабраила. Шамиль краем глаза видел, как Джабраил упал лицом вниз под подоконник, но сам Шамиль этого солдата тут же взял в прицел своего автомата и выпустил в него три точные короткие очереди. Дистанция была такая, что хладнокровный человек, у которого руки с перепугу не ходят ходуном, промахнуться не имеет права. По эту сторону дороги все было окончено. А с другой – автоматная стрельба прекратилась чуть раньше. Видимо, там гранаты из подствольников легли более удачно.

Выждав несколько секунд, Шамиль включил переговорное устройство:

– Агахан, что у тебя?

– Один оставался. Но больше никого нет, – со смехом отозвался Агахан.

Он всегда смеется. Особенно, когда кого-то убивает. Это занятие Агахану всегда кажется чрезвычайно веселым делом.

– Али Бейбарсович! – позвал Шамиль в «переговорку».

– Я здесь, – отозвался амир. – Через пять минут подъеду. Как дела, я уже понял. Всех, слышу, уложили?

– Кто не сгорел, всех уложили. У нас потери.

Шамиль посмотрел в сторону соседнего окна. Наклонился и за лоб приподнял голову Джабраила. Пальцы сразу почувствовали кровь под ладонью. Она пульсировала и сильно текла.

– Кто?

– Джабраил. Пуля прямо в лоб. Один из солдат отстреливался. Только одну очередь и успел дать. И сразу – точно.

– Понял. Отнесите его в «пожарку». Что там с омовцами?

– За воротами уложили. На бетоне. Надеюсь, уже не замерзнут даже в бронежилетах.

– Пожарные машины забрали?

– Проехали мимо нас еще двадцать минут назад. Все четыре. Алискер Хадисович сам был за рулем первой. С бронетранспортерами должны были встретиться неподалеку от базы. Едут не спеша, чтобы раньше времени не приехать.

– Хорошо. Алискер Хадисович! Как меня слышишь?

Алискер Хадисович не отозвался. В переговорном устройстве слышался только обычный привычный треск. Видимо, «переговорка» у Алискера была выключена.

– Алискер Хадисович уже должен быть на месте, Али Бейбарсович. На месте он от связи отрубится, – глянув на наручные часы, объяснил Шамиль. – Тут езды-то всего ничего. А уже двадцать минут прошло. Точно, на месте...

– Да, наверное, уже там... – согласился Али Бейбарсович. – Пора действовать. Не будем ему мешать. Подождем. Он справится. Мы пока огнем поддержим. Постреляйте еще из подствольников.

– Это мы с удовольствием! – согласился Шамиль и тут же зарядил свой подствольный гранатомет. То же самое, глядя на него, сделал и Завгат.

Но первые выстрелы из подствольников раздались все же с противоположной стороны улицы. Группа Агахана слышала переговоры и успела зарядить оружие раньше. Три выстрела раздались один за другим. Стреляли в соседний недостроенный дом. С небольшим опозданием в тот же дом послали свои гранаты и Шамиль с Завгатом. Их опоздание было простительным. От них до этой стройки было на сорок метров дальше. Требовалось прицелиться...

* * *

Алискер Хадисович Чопанов когда-то жил в Ханты-Мансийском национальном округе, служил старшим лейтенантом спецназа внутренних войск, носил «краповый берет» и даже сохранил его до настоящего времени. Хотя постоянно демонстрировать своим товарищам его тоже не стремился, понимая, что эта деталь костюма, хотя и показывает уровень его боевой и общефизической подготовки, тем не менее для собратьев по отряду является тем же, чем красный плащ матадора для быка. Но при случае любил вспомнить свои бывшие боевые будни, чтобы привести какой-то конкретный пример. В отряде Алискер Хадисович отвечал за боевую подготовку и подчинялся только лично Али Бейбарсовичу, не признавая других авторитетов. И Али Бейбарсович обычно прислушивался к советам Чопанова, признавая за тем способности как раз в той области, которой Алискер Хадисович и занимался. И это сотрудничество всегда давало хорошие результаты. А недовольство некоторых бойцов тем, что к ним приставили бывшего «крапового» в наставники, Али Бейбарсович подавлял собственной властью и авторитетом. Хотя он сам считался человеком мягким, не наказывающим своих людей без справедливой причины, слова Али Бейбарсовича было достаточно, чтобы ропот прекратился. По крайней мере, в открытом виде. А Алискер Хадисович, как помощник, оказался незаменимым. Он, конечно, иной раз издевался над бойцами отряда, заставляя их делать то, что они не хотели делать, считая, что смогут при необходимости с помощью одной силы воли все выполнить. Например, проводя занятия с какой-то отдельной группой, Чопанов ввел обязательные маршброски. Не длительные, всего-то по пять километров. Но эти пять километров большинству бойцов давались так же, как спортсмену-профессионалу дается марафонская дистанция. Пот из одежды можно было выжимать даже зимой. Но Алискер Хадисович снова гнал бойцов на пробежку, чтобы привести их физические возможности в боевой порядок. За те полгода, что Чопанов пребывал в отряде, многое изменилось. И главное, изменилось отношение к службе. Строгость бывшего старшего лейтенанта переняли и другие, и люди стали ответственнее, к любому, даже самому простому делу стали относиться как к самому главному делу в своей жизни. Так когда-то учили самого Чопанова, и так он учил бойцов отряда Али Бейбарсовича.

Боевые операции, причем, как правило, многоходовые, умные и эффектные, обычно разрабатывал именно Алискер Чопанов, потом докладывал план амиру, и Али Бейбарсович всегда соглашался, хотя часто желал упростить саму операцию, поскольку Алискер Хадисович порой зарывался и предлагал слишком много ненужных действий и движений, без которых вполне можно было бы и обойтись. Так было и в прошлой операции, когда почти полностью был уничтожен районный ОМОН. Все придумал и разработал именно Алискер Хадисович. И сам же воплощал план в жизнь. Но собственный план бывшего «крапового» старшего лейтенанта бы намного сложнее и объемнее и включал в себя множество эффектных, но неэффективных моментов, при исполнении которых вполне можно было бы даже себя перехитрить и запутаться. С корректировкой Али Бейбарсовича все прошло без сучка и задоринки, а результат был точно таким же, каким был бы согласно первоначальному излишне сложному плану. Конечно, варианты, которые Алискер Хадисович предлагает, могут пойти только на пользу отряду. О подобных делах, когда они становятся достоянием гласности, много говорят, рассказывают, пересказывают, перевирают и создают такие легенды, что сами участники операции потом не могут понять, про что идет разговор. Чопанов хотел, чтобы об их отряде ходили легенды. И Али Бейбарсович тоже был бы не против, если бы все это не представляло угрозу самим исполнителям. Зачем рисковать, если можно не рисковать!

В этот раз план опять разрабатывал Чопанов. Корректировку, как всегда, проводил сам Али Бейбарсович, но, кажется, Алискеру Хадисовичу удалось обуздать свою бурную фантазию и он не слишком много наворотил лишнего. Убирать почти ничего не пришлось. В основном мелочь, которая только сбивала с толку не только противника, но и самих исполнителей. А исполнять все Чопанов вызвался сам, понимая, что успех в этой операции превратит их отряд в такую могучую силу, с которой едва ли кому удастся легко справиться. Он-то все поймет и сделает правильно, с присущим ему артистизмом. Но дело-то в том, что Чопанов будет не один. Другим он тоже не роль статистов отводил. И любое несовмещение действий во времени может привести к общему срыву. И потому упрощение пошло операции только на пользу...

* * *

Алискер Хадисович ехал в передовой машине, оснащенной мощной пожарной водяной пушкой, которой в странах Запада модно разгонять демонстрантов. Такая пушка без проблем сбивает с ног не только одного человека, но смывает с асфальта толпу, если бьет ей по ногам. И самое мощное пламя в состоянии сбить за считанные секунды, что для пожарной машины всегда считалось наиболее важным в работе. Простые люди считают, что водой пожарные пользуются потому, что вода не горит и перекрывает огню доступ воздуха. В действительности тогда можно было бы использовать простейшие пожарные рукава, которые просто разбрызгивают воду в том виде, в котором она подается из водопроводной сети. А пожарные всегда пользуются не просто водопроводной сетью, а собственными компрессорами. И все для того, чтобы пламя сбить. Вот для того компрессоры и используются. И пожарная пушка оснащена таким мощным компрессором, что водяная струя способна не просто сбивать пламя, но и разрушать, и людей расшвыривать в стороны. Именно на такой машине и ехал Чопанов. Пушка управляется изнутри машины, и за пультом сидел человек, который прекрасно с нею управлялся. Али Бейбарсович специально его отправлял учиться и приобретать навыки управления такой техникой. Три другие машины были простыми пожарными автомобилями, оснащенными только обычными пожарными рукавами и имеющими емкости для воды. Впрочем, воды в этот раз они с собой не взяли. Ни к чему машину перегружать лишней тяжестью. И так ее загружать придется...

Когда подъезжали к базе, навстречу пожарным машинам выехали два бронетранспортера. Они пока еще занимали не всю дорогу, а следовали один за другим. Алискер Хадисович

притормозил и остановился, опустил стекло в дверце. Остановился и передовой бронетранспортер. В башне откинулся люк, и из него по пояс высунулся офицер. Махнул рукой в сторону базы:

– Поезжайте. Я распорядился на КПП. Вас пропустят.

– Спасибо, – вежливо и сдержанно ответил Алискер Хадисович.

Сдержанность его была вызвана тем, что он был верующим мусульманином, и при этом знал, что означает слово «спасибо»⁵, и не хотел того, чтобы этих федералов спасал их христианский Бог. И потому Чопанов со злым скрежетом переключил передачу, желая вперед двинуться, но офицер махнул рукой, желая еще что-то сказать:

– Что там у вас делается?

– Бандиты на площади. Готовятся к штурму. Больше двадцати человек. Пока укрываются за нашими старыми машинами. Омоновцы отстреливаются. Но толку с трех человек...

Это было сказано так, словно водитель пожарной машины требовал от капитана немедленно продолжить движение. И капитан все понял, нырнул в башню и захлопнул люк. БТР рванул с места и быстро набрал скорость.

Алискер Хадисович улыбнулся и прислушался к звукам стрельбы от «пожарки». Али Бейбарсович приказывал стрелять почаще и погромче. И бойцы стреляли. Некоторые даже из двух автоматов сразу, потому что людей там осталось мало, а шума они должны были производить много. Это тоже не всегда бывает легко.

Бронетранспортеры выехали на освещенный фонарями участок улицы, а пожарные машины остались на темном участке. Чопанов выключил двигатель, чтобы не мешал ему слушать. Точно так же выключились двигатели всех трех идущих следом машин.

Ждать и слушать пришлось недолго. Выстрелы гранатометов прозвучали колоритно и громко. Сначала «РПГ-7» отличился, следом за ним заговорили подствольники, а за подствольниками последовали автоматные очереди. «Добивание, – понял Алискер Хадисович, как только автоматные очереди смолкли, – произведено». Можно было ехать.

Ворота базы были уже распахнуты для пожарных машин.

– Готовься, – сказал бывший «краповый» оператору водяной пушки.

– Готов, – отозвался оператор, положив обе руки на ручки управления, которые почему-то называют еще и джойстиком.

Все четыре машины проехали на площадку за воротами, но передовая машина сразу развернулась вместе со своей пушкой. И встала так, что перед ней метрах в двадцати оказалось караульное помещение. Как раз в этот момент дверь «караулки» распахнулась, выпустив неровную трапецию света, и оттуда вышел начальник караула, а за ним разводящий со сменой. Восемь часовых, на каждую из вышек по одному, и двое на КПП.

– Внимание... Начали! – резко сказал Алискер Хадисович, когда дверь закрылась и все вышедшие отделились от нее на несколько шагов.

Мощная струя ударила сначала перед сменой караульных, но оператору потребовалось меньше секунды, чтобы подкорректировать водяной удар. Вся смена была просто сметена с площадки до того, как успела среагировать. Из трех других машин выскочили вооруженные бойцы. Сразу через окна расстреляли внутри КПП караульных. Струя воды тем временем ворвалась в окно караульного помещения, где находилась бодрствующая смена. Может быть, кого-то эта струя и достала. Но в помещении были и другие окна, которые тут же выбили автоматными стволами, и расстреляли находящихся внутри до того, как они добрались до оружия.

– Машины к складам... – скомандовал Чопанов. – Снайпер, обслужи вышки.

⁵ Слово «спасибо» в своей первоначальной основе произносилось как «спаси Бог». Превращение в «спасибо» произошло лишь в восемнадцатом веке, да и то лишь в мирской жизни. В церковном языке эту фразу до сих пор принято произносить правильно.

Снайпер уже взбирался на телескопическую пожарную лестницу, чтобы иметь обзор и расстрелять часовых на вышках до того, как у тех появится возможность использовать свои пулеметы. Четыре пулемета могут натворить много бед. Тем более что пожарные машины не бронированные...

Глава четвертая

– А можно еще раз прокрутить запись? – сосредоточенно о чем-то думая, попросил подполковник Устюжанин, уперев локти в столешницу письменного стола и уютно устроив подбородок на сжатых кулаках. Со стороны можно было подумать, что подполковник мыслит о чем-то своем, далеком, и потому плохо слушал только что закончившуюся аудиозапись.

– Пожалуйста, – вяло пожал плечами подполковник ФСБ Виктор Львович Крикаль. – Какую из них? Подскажите... Или все?

– Извините, мне доступна только последняя.

– Не знаете дагестанского языка?

– Не знаю, – признался подполковник спецназа ГРУ, ничуть не смущаясь этого факта.

Его не спросили, зачем же он тогда слушал все записи разговоров Герострата, если ничего не понимал. Подполковник ФСБ просто кивнул своему помощнику капитану Мамедову. Тот пощелкал компьютерной мышкой и нашел нужный файл. Запустил. Слушали молча. Только после окончания прослушивания капитан Мамедов сообщил:

– Мы уже поработали над этой записью. Звонок был произведен с трубки, украденной в Каспийске у молодой женщины из сумки. Предположительно, в рейсовом автобусе. Сим-карта зарегистрирована на нее. В общей сложности это второй звонок с мобильных, украденных в Каспийске. Все другие тоже были или украдены, или сим-карты покупались по паспортам умерших людей. Таким образом, по звонкам никакой зацепки у нас нет. Голос не идентифицирован. Всегда от имени Герострата звонят разные люди, с разных номеров. Один раз, правда, был конкретный эпизод. Звонил подросток с телефона матери. Посмешить народ хотелось. Обещал школу свою сжечь в день, когда проводилась контрольная. Но мы по другим звонкам тоже плотно работали. Разнобой полный. Поэтому какую-то конкретную привязку к Каспийску сделать невозможно. Факт будет просто за уши притянут, и поиск может оказаться простой потерей времени. А время торопит. Оружие, которое оказалось в руках Герострата, может натворить много дел, и виноваты в этом будем мы, если станем медлить.

– Давайте-ка по порядку... – предложил подполковник Устюжанин. – А то я не могу всю информацию разом переварить. Сначала запись заново, в третий раз прослушаем, а потом уже будем размышлять и классифицировать то, что мы имеем.

– Извините, товарищ подполковник, перебыю вас, – вмешался в разговор присутствующий в кабинете командир взвода спецназа ГРУ старший лейтенант Логвинов. – Можно задать вопрос?

– Задавай.

– Все остальные разговоры велись на дагестанском языке. Дагестанец звонил дагестанцу. Зачем ему на русском разговаривать... Последний разговор ведется на русском. Но звонит опять дагестанец дагестанцу. Или полковник Исмаилов родного языка не знает?

– Должен знать. Он родился в горном ауле, – сказал Крикаль.

– Знает, – подтвердил капитан Мамедов. – Я с ним по-дагестански разговаривал.

– Тогда почему говорят на русском? – настаивал на своем вопросе старший лейтенант. – Причем прошу учесть, что звонил настоящий Герострат. Разумеется, не древний грек, а который под этой кличкой прячется. И пусть даже он не тот, который представлялся Геростратом раньше, тем не менее нам предстоит вести поиск именно этого, последнего из нам известных, потому что именно он напал на пожарную часть после предупреждения, а потом атаковал склады и похитил какое-то экспериментальное оружие.

– Виктор Валентинович сформулировал то, что у меня в голове сидело, – признался Устюжанин. – Я чувствовал, что в этой записи не все понятно, но сразу не сообразил. И потому

хотел еще раз прослушать. Да, два дагестанца должны разговаривать между собой на дагестанском языке.

– А вы знаете, товарищ подполковник, сколько языков в Дагестане? – спросил капитан Мамедов. – Я вот сам, хотя считать умею, всегда говорю просто – много...

– Тем не менее они все классифицируются как нахско-дагестанские языки⁶. И представители восточной группы кавказских народов друг друга понимают. Тогда зачем им нужно было говорить по-русски? Лично у меня есть только одна мысль по этому поводу, хотя она и выглядит шальной. Герострату нужно, чтобы мы этот разговор слышали.

– Не понял, – мрачно сказал подполковник Крикаль. – Зачем это может понадобиться Герострату? Он желал прогнать нам «дезу» или что-то иное?

– А вот для этого мы и собрались здесь, чтобы подумать, зачем, – сказал Устюжанин. – Хотя я сам не совсем понимаю многого. Например, для чего приглашен в самом начале расследования спецназ ГРУ. Мы не относимся к следственным органам и не имеем следственных полномочий. Обычно нас приглашают в последний момент, когда следствие подходит к концу, есть конкретные данные относительно бандитов, и требуются только действия по их уничтожению.

– Или по преследованию и уничтожению... – добавил старший лейтенант Логвинов. – Это наш профиль. А вести следствие мы вообще не обучены.

– Это, Виталий Владиславович, не наша инициатива, – словно оправдываясь, сказал подполковник Крикаль. – Руководству антитеррористического комитета, насколько я понимаю, понравились ваши действия по уничтожению банды амира Чингиса, и потому оно решило, что вы можете и здесь себя проявить с лучшей стороны.

– А я вообще считаю, что наше руководство запаниковало из-за этого оружия, что со складов было похищено, – добавил капитан Мамедов. – И все силы готово бросить на поиски. Говорят, применение этого оружия может дорого обойтись всем, в том числе и нашему руководству, которое не смогло обеспечить охрану и соблюдение тайны. Где-то произошла утечка информации. В результате Герострат напал на базу, и не на все склады, а только на те, что ему были нужны. Он знал даже то, в какие склады груз...

Договорить капитан не успел, потому что вынужден был ответить на звонок «красного» телефона, не имеющего диска и кнопок для набора номера. С кем этот телефон связывает, понятно.

– Слушаю, капитан Мамедов. Да, товарищ генерал. Он здесь. Две секунды. Передаю трубку.

Подполковник Крикаль уже протянул к трубке руку:

– Слушаю, товарищ генерал. Подполковник Крикаль. Понял. Иду. Да. Бегом бегу. Они у нас в кабинете. Обсуждаем. Бегу...

Виктор Львович сунул трубку в руку капитану, а сам заторопился к двери. Уже открыв ее, обернулся, чтобы объяснить:

– Начальник управления вызывает. Новые данные по нашему делу. Прошу вас подождать.

И быстро закрыл дверь. Торопливые шаги подполковника гулко отдавались в коридоре управления...

⁶ Нахско-дагестанские языки – языковая семья, распространенная главным образом на востоке Северного Кавказа, в Азербайджане, Грузии, Турции, Иордании и некоторых других странах Ближнего Востока. Численность говорящих на этих языках около пяти миллионов. Включается в гипотетическую северокавказскую языковую надсемью. В лингвистике также употребляется термин «дагестанские языки», охватывающий почти все ветви нахско-дагестанской семьи, за исключением нахской ветви (чеченского языка, галанчжоузского наречия, ингушского и бацбийского языков).

* * *

Вернулся Виктор Львович через пятнадцать минут, когда капитан Мамедов, на правах одного из хозяев кабинета, успел напоить чаем подполковника и старшего лейтенанта спецназа ГРУ, и молча бросил на стол толстую пачку цветных фотографий. И мрачно осмотрел сидящих в комнате офицеров.

– Что-то случилось, товарищ подполковник? – спросил Мамедов.

– Что могло случиться? Началось...

– Что началось?

– Герострат. Действовать начал.

– Как действовать? Новое оружие?

– Да... – Подполковник Крикаль показал на стол, куда бросил пачку фотографий: – Только что с принтера. Один экземпляр генералу, один в антитеррористический комитет, один нам, один в Москву. Четыре комплекта. Будто не могли в Москву в электронном виде переслать. Я просил четвертый экземпляр для спецназа ГРУ. Не выделили. Но если есть необходимость, могу попросить, чтобы отдельно отпечатали. Наш комплект пойдет в материалы уголовного дела.

Капитан Мамедов первым взял фотографии. Просматривал снимки быстро, перекладывая их на соседний стол, за которым сидел подполковник Устюжанин. Подполковник смотрел внимательнее, стараясь уловить хотя бы общую картину происшествия. И передавал фотографии Логвинову.

– Странный пожар какой-то... – сказал старший лейтенант, просмотрев первые фотографии. – Это и есть действие нового оружия?

– Это и есть действие нового оружия, – подтвердил подполковник Крикаль.

– Я думаю, после первого применения уже нет и смысла даже от нас скрывать его ТТД⁷.

– Наверное, уже нет, – согласился с Логвиновым подполковник Крикаль. – В двух словах это объяснить трудно. С «шайтан-трубой»⁸ вы знакомы?

– Конечно, – ответил подполковник Устюжанин. – Хотя пользуемся редко. Слишком обширная зона поражения, отсутствие возможности выборочного уничтожения противника. Опасность для окружающих и для всего живого в округе.

– Вот, – продолжил Крикаль. – Наши конструкторы готовят на смену одноразовому гранатомету эту штуку. В «Шмеле», если вы помните устройство, есть одноразовая труба, пороховой двигатель и капсула с огнесмесью. Новое оружие представляет собой гранату, почти такую же, как обычная граната для «РПГ-7». И стрельба ведется тоже из трубы «РПГ-7». То есть трубу после использования не нужно утилизировать. А она тоже денег стоит, как все мы знаем. Теперь на смену пороховому двигателю и капсуле с огнесмесью пришла граната. Впрочем, граната не простая. Прицельная дальность такая же, как при стрельбе из «Шмеля», то есть до пятисот метров. Но через пятьдесят, сто, двести или триста метров, в зависимости от установленной программы – а программа устанавливается выключателем на самом корпусе гранаты, – заряд начинает делиться. Сначала сбрасывает одну часть, через пятьдесят метров вторую и так далее. Всего граната состоит из четырех частей, каждая из которых имеет собственную огнесмесь. Как в обычном огнемете, новые гранаты делятся на три вида. Первый – это термобарический заряд, предназначенный для поражения укрытых огневых средств в городской черте, в полевых условиях или в горах, а также для разрушения укрытий, автотранспортной и легкоб-

⁷ ТТД – технико-тактические данные.

⁸ «Шайтан-труба» – такое название дали афганские моджахеды советскому одноразовому огнемету РПО (реактивный пехотный огнемет) «Шмель».

ронированной техники. Ударная волна от такого заряда обладает способностью «затекать» в укрытия и окопы, полностью выжигает кислород и создает в зоне детонационных превращений температуру свыше восьмисот градусов по Цельсию.

– Практически то же самое, что и «Шмель-А», – заметил старший лейтенант Логвинов. – Только зона поражения больше.

– И есть возможность сделать повторный выстрел, – уточнил Крикаль. – Продолжаю... Второй вид заряда – зажигательный, предназначен для создания ландшафтных пожаров и пожаров в зданиях и сооружениях, для поджога складов с ГСМ, и вообще всего, что может загореться, включая одежду на людях. Площадь возгорания составляет до трехсот квадратных метров. И третий заряд, как и у «Шмеля», дымовой. Предназначен для создания непроницаемой для визуального просмотра дымовой завесы длиной более ста пятидесяти метров. Но дымовая завеса «Шмеля» держится полторы-две минуты, а у нового заряда более пяти минут в погоду со слабым ветром.

– Короче говоря, новый огнемет, – сказал подполковник Устюжанин.

– Практически так оно и есть.

– Подходящее оружие для Герострата, – усмехнулся Логвинов.

Подполковник Крикаль долгим взглядом посмотрел на старшего лейтенанта. Потом прокомментировал значение своего взгляда:

– Ты, старший лейтенант, провидец. Но самого смешного не сказал. Это не просто подходящее оружие для Герострата. Эта экспериментальная граната сама по себе носит название «Герострат». Так наши конструкторы угодили бандиту с названием. И нашему Герострату об этом, как оказалось, известно. Он сегодня позвонил в штаб спецназа внутренних войск. Там ждали прибытия смены для отряда, работающего сейчас в республике. Герострат представился и сказал, что смена не придет. Именно так, «не придет», хотя мог бы сказать «не прилетит». Но он знал, что прилетит, и знал, что не придет. На вопрос «почему?» ответил просто – Герострат им не разрешает. Он их и остановит. И бросил трубку. Мне кажется, что он в данном случае имел в виду не себя, а именно гранату. Дежурный в штабе особого внимания на этот звонок не обратил. Мало ли всяких бездельников балуется. Кто-то случайно узнал телефонный номер и начинает терроризировать дежурных. До этого было уже несколько подобных звонков. И вспомнил про него дежурный только после происшествия. «Краповых» из Уйташа⁹ доставляли двумя автобусами. И всю дорогу на протяжении полутора сотен метров накрыло взрывом термобарического заряда. Число погибших еще не определено, но среди них значительное число женщин и детей. Прилетели только что в аэропорт. Два самолета садились один за другим на разные полосы. Аэровокзал пассажиры покидали одновременно. Движение на трассе было, как обычно, напряженным. Стреляли, как говорят свидетели, из «уазика» военного образца с брезентовым верхом. Подтянули сзади брезент внутрь и выстрелили.

– Номера машины... – напомнил Устюжанин. – Любой свидетель должен был на них посмотреть. В первую очередь на номера...

– Не было на машине номеров. Но за рулем, как говорят свидетели, сидел, похоже, военный.

По крайней мере, человек в форме, офицер. Внешне похож на дагестанца. Основной свидетель – мужик опытный, житель Махачкалы, бывший подполковник уголовного розыска. Данные в основном берутся с его слов. А взгляд у подполковника цепкий, сумел высмотреть детали. Например, ободранную краску на левом крыле «уазика». Само крыло не помято, но краска ободрана. Примета заметная, но ликвидировать ее недолго. Значит, искать следует

⁹ Уйташ – аэропорт города Махачкалы. Находится в четырех с половиной километрах от города Каспийска и в шестнадцати с небольшим километрах от самой Махачкалы. Главный аэропорт республики Дагестан. Трасса, связывающая аэропорт со столицей республики, обычно имеет напряженное автомобильное движение.

срочно, однако как эту машину найти? В республике сейчас такое количество «уазиков» военного образца – и по-настоящему военных, и гражданских, – что все просмотреть в срочном порядке возможности ни у кого не будет. Однако все посты ГИБДД предупреждены и усилены ОМОНОм. На ряде направлений в срочном порядке выставлены посты «краповых». Но я лично думаю, «паровоз уже ушел»...

– У нас в батальоне по такому случаю говорят: «Поздно, доктор, я уж умер»... – мрачно пошутил Логвинов. – Бесплезные мероприятия. Результат был бы, если бы дежурный по штабу «краповых» сразу среагировал и посты хотя бы на всякий случай выставили загодя. Да и саму дорогу до Махачкалы хорошо было бы бронетранспортерами блокировать.

– И это ничего не дало бы, – словно думая о чем-то своем, сказал подполковник Устюжанин. – Если у него несколько таких гранат с собой, он и бронетранспортеры на дороге спалил бы. Герострат, как я понимаю, от яркого пламени только во вкус входит.

– А что вы, Виталий Владиславович, посоветуете? – осторожно спросил подполковник Крикаль. – Какие меры приняли бы вы лично?

– В первую очередь я не стал бы суетиться и людей смешить. Эти посты только придают вес Герострату. Он совсем возгордится и обнаглеет. И, чтобы себя показать и покрасоваться, будет применять чаще гранаты «Герострат». А каждая граната, как вы правильно заметили, это многочисленные жертвы среди посторонних людей. То есть местный Герострат становится смертельно опасным террористом не только для федеральных сил и местных властей, но и для местных жителей. Еще пара случаев использования гранаты «Герострат», и, я думаю, улицы Махачкалы опустеют. Люди будут бояться стать случайной жертвой. А он будет гордиться. Если вы помните историю, настоящий Герострат из Эфеса сжег храм Артемиды именно для того, чтобы прославиться, чтобы его имя в веках звучало. И оно звучит до сих пор. Даже так далеко от Греции.

– И что, вы предлагаете ничего не делать? Ничего не предпринимать, пока случай сам не приведет его в наши руки?

– Я пока думаю.

– О чем? – настойчиво «доставал» подполковника спецназа ГРУ подполковник ФСБ.

– Провожу аналогию. С какой стати, вы говорите, нас привлекли к поимке Герострата?

– В антитеррористическом комитете были впечатлены вашей работой по уничтожению банды амира Чингиса.

– Вот я и провожу аналогию. Там был амир Чингис и ураган «Чингисхан». Здесь есть амир Герострат и граната «Герострат». Там мы справились успешно. И здесь будет то же самое. Только дайте мне подумать, и мы вашего Герострата поймем.

– Извините, товарищ подполковник, – помог своему руководителю отдела капитан Мамедов. – Но нам не отпущено времени на раздумья.

– И потому вы не знаете, что предпринять для поиска. Он думает, а вы принимаете стандартные меры, и принимаете их с заведомым опозданием. А если подумаете, то, возможно, найдете какое-то конкретное решение. Без запоздалого установления усиленных постов и прочей мелочи, которая только создает в районе нервную обстановку. То есть вы на руку амиру Герострату работаете. Ему именно такая обстановка и нужна.

Подполковник Устюжанин еще раз перебрал в руках фотографии, принесенные подполковником Крикалем. Пересмотрел их и положил на стол.

– Вы обещали, Виктор Львович, мне отдельную партию фотографий отпечатать...

– Да. Сейчас схожу в компьютерный центр. Попрошу. Это же недолго, если только принтер не занят.

– А если занят, поторопите, потому что мне нужно в отряд ехать. У нас расписание занятий с личным составом жесткое. Принцип старый. Если по какой-то причине не смогли выполнить сегодня, выполните завтра и послезавтра. А то получается, что за счет личного времени

солдат придется загружать. Но у них личного времени и без того минимум. Исключение делается только при участии в боевых операциях. Тогда не до занятий. На боевых операциях солдаты у нас отдыхают и дышат полной грудью.

– Это как? – не понял капитан Мамедов. – Должно же все быть наоборот.

– Не должно, товарищ капитан, не должно. Нагрузка на занятиях в несколько раз должна превышать боевую нагрузку. Тогда в бою солдат чувствует себя уверенно, тогда у него сил намного больше сохраняется. Если помните, этот принцип ввел в армейский обиход еще генералиссимус Суворов: «Тяжело в ученье, легко в бою». Потом принцип постарались благополучно забыть. И только в спецназе ГРУ он введен в естественную норму. Вот так и живем, вот так и воюем...

* * *

Крикаль вышел, а Устюжанин достал мобильник, подумал несколько секунд над предстоящим разговором, потом решительно набрал по памяти номер, которого не было в памяти телефона.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Подполковник Устюжанин.

– Здравствуй, Виталий Владиславович. Я в курсе, к какой тебя деятельности привлекли. Моего согласия, как ни странно, спросили. Извини, у меня сейчас важное совещание идет. У тебя что-то срочное?

– Так точно, товарищ полковник.

– Выкладывай.

– По делу, к которому меня привлекли. Герострат уже отметился после захвата экспериментального оружия. Применил его. Крупный террористический акт с кучей погибших. Живьем сгорели в двух автобусах только-только прилетевшие на смену «краповые». Пострадало множество гражданских.

– Я еще не слышал об этом.

– Еще сводки, наверное, не готовы. Недавно совсем произошло. Мне помощь нужна.

– Говори, что требуется.

– Я знаю, что вот-вот будет выпуск в школе снайперов ГРУ.

– Сегодня экзамены сдают. Все пойдут служить в спецназ.

– Сколько человек в курсе?

– Двенадцать.

– Они мне все нужны.

– Так точно?

– Все двенадцать.

– Не жирно будет?

– Необходимая мера. Было бы двадцать четыре, я тоже всех бы попросил. Я могу объяснить необходимость, но не в телефонном разговоре. Вернусь в отряд – сейчас я в ФСБ республики, – сброшу вам шифровку. Без снайперов мне не обойтись.

– Хорошо. Но это временно. Только на одну операцию. Потом одного из них сможешь выбрать и себе оставить на постоянную службу. Остальных отправишь.

– Согласен. Но это все не самое главное.

– Даже так! Ты от скромности не умрешь. А что главное?

– Какие винтовки у снайперов?

– У одной половины – «винторезы», у второй – СВД¹⁰. Как обычно.

¹⁰ СВД – снайперская винтовка Драгунова. По сути своей не является снайперской винтовкой, хотя таковой и называется, а просто является винтовочной модификацией автомата Калашникова.

– Я понимаю, товарищ полковник, что моя просьба будет выглядеть чудовищной, но я попросил бы вооружить снайперов КСВ¹¹. Желательно импортного образца. Не получится – пусть с нашими КСВ придут. Есть такая необходимость, Юрий Петрович.

– Ну, ты загнул... Где же я их найду? Каждая единица на учете. По всей стране их можно по пальцам пересчитать. На весь спецназ ГРУ три такие винтовки имеются. А тут тебе сразу двенадцать. Ты чем думаешь?

– Только головой обучен...

– Ну, если так, Виталий Владиславович, я попытаюсь. Не обещаю ничего, но попытаюсь.

– Спасибо, товарищ полковник. Не буду больше отрывать вас от дел. «Шифровку» сброшу через час. Категорией «срочная».

– Буду ждать. Если что, звони. Только аппетиты свои постарайся соотносить с реальностью.

Мочиллов первым отключил связь. Устюжанин спрятал мобильник в карман как раз в тот момент, когда в кабинет вошел подполковник Крикаль:

– Уже начали печатать.

– А я пока своему командующему позвонил. Мне его помощь нужна. Обещал войти в положение и удовлетворить мои потребности.

– Что вы просили?

– Сегодня выпуск школы снайперов ГРУ. Я затребовал весь курс в свое подчинение. Двенадцать человек. И попросил, чтобы всех вооружили КСВ. Это даст нам возможность противостоять Герострату с дальней дистанции и не подвергать опасности посты и бронетехнику, как вы того хотели. Герострат одним «Геростратом» уничтожит любой пост.

– Возможно, вы правы. Это и есть то, что вы надумали?

– Я привык думать, когда оперирую фактами. Пока фактов у меня нет, чтобы составить соответствующую картину. А без этого невозможно придумать что-то конкретное. У меня к вам просьба, Виктор Львович. Факты я намереваюсь собрать, чтобы предложить нечто конкретное, но для этого мне необходимо удостоверение сотрудника антитеррористического комитета. Хотя бы временное какое-нибудь, действительное по предъявлении документа, удостоверяющего личность. Так, кажется, делается...

– Придется еще минут пятнадцать подождать. Как раз пока печатают. Я сейчас схожу насчет удостоверения. Если сделают временное, будет временное, если захотят постоянное и серьезное, заставят сфотографироваться. Будьте готовы. Да я сам сфотографирую. Фотоаппарат в сейфе...

¹¹ КСВ – крупнокалиберная снайперская винтовка. Все крупнокалиберные снайперские винтовки являются дальнобойными и способны поражать цель даже на дистанции двух и более километров.

Глава пятая

Вернувшись в военный городок бригады мотопехоты, где по традиции уже много лет базировался отряд спецназа ГРУ, подполковник Устюжанин зашел в канцелярию, сел за стол и написал на стандартном бланке текст шифротелеграммы командующему войсками спецназа ГРУ полковнику Мочилкову. Виталий Владиславович обосновывал необходимость применения в операции снайперов с дальнобойными крупнокалиберными винтовками вместо усиленных бронетехникой передвижных постов, которые легко уничтожить одной гранатой «Герострат», одновременно уничтожив и все живое вокруг, включая мирное население и попавшиеся в зону поражения объекты инфраструктуры города.

Именно на желании избежать возможных жертв основывалась такая необходимость. Снова просмотрев фотографии, переданные ему подполковником Крикалем, Устюжанин лишний раз убедился в том, что амир Герострат, как и граната «Герострат», не умеет щадить никого и не умеет действовать выборочно. И в случае если бандиты посчитают, что им перекрывают пути отступления, они применяют «Герострат», не думая о том, что попадет в зону поражения. Окажется рядом школа, они и школу сожгут вместе с детьми. Кроме того, как показала предыдущая операция амира Герострата, когда, собственно, и были похищены с базы гранаты «Герострат», банда располагает солидными людскими ресурсами. Гораздо большими, чем у других банд, встречающихся в последнее время. Сейчас редко можно найти банду, в составе которой больше десятка бойцов. У амира Герострата же в банде, как говорят свидетели, более двух десятков бандитов. Может быть, даже три десятка. И они организованны, обучены, дисциплинированы. При таких людских ресурсах амир Герострат не будет посылать на акцию всю банду. Достаточно небольшого звена в составе двух-трех человек. И эти два-три человека, вооруженные гранатами «Герострат», могут натворить многое.

Уничтожение одного такого звена с помощью снайперов или любым иным способом даст мало. Герострата это не остановит. Он пошлет следующее звено уже на следующий же день. И будут новые жертвы. И продолжаться так будет до тех пор, пока у амира не кончатся людские ресурсы. Но и тогда сам он останется в тени, следовательно, все еще будет представлять собой опасность. Поэтому подполковник Устюжанин предлагал провести большую массированную операцию – провокацию, способную вызвать у Герострата желание задействовать большие силы. Тогда уже возможным будет определение сразу нескольких объектов уничтожения, и, вполне вероятно, это даст какой-то ключ к поиску самого Герострата.

В дополнение к своей просьбе о присылке команды снайперов с КСВ подполковник Устюжанин попросил прислать ему несколько комплектов индикатора оптических систем «Луч-1М»¹². Он уже работал с этой техникой и знал, что это такое. И знал, что это не такой дефицит, как крупнокалиберные снайперские винтовки, и потому не сомневался в том, что его просьба будет удовлетворена. И еще просил снабдить на одну операцию каждого снайпера комплектом связи внутри группы. Лучше, если это будет малогабаритная коротковолновая радиостанция «Подснежник», но, если с «Подснежником» ничего не получится, придется удовлетвориться простыми переговорными устройствами. Хотя в условиях, в которых предстоит работать, громкая связь «переговорок» может помешать успешному проведению операции.

Вызвав к себе шифровальщика отряда и отдав ему текст для отправки, Виталий Владиславович пригласил в канцелярию старшего лейтенанта Логвинова и приказал ему контролиро-

¹² Индикатор оптических систем «Луч-1 М» – дневной прибор обнаружения любых оптических систем, уникальное средство, разработанное российскими специалистами, применяется для обнаружения снайперов и наблюдателей противника, использующих пассивные, активные телевизионные, лазерные и другие системы прицела и наблюдения, а также определяет дальность до них и их количество. Применяется при охране важных объектов, при обеспечении антитеррористических операций, при охране государственной границы. Благодаря своим компактным размерам «Луч-1М» удобен в эксплуатации и прост.

вать проведение занятий с солдатами, пока не вернется с группой с боевого задания начальник штаба отряда майор Валентинов. По выслуге и опыту Логвинову уже пора было быть командиром роты и получить звание капитана. Но свободных вакансий пока не было. И в итоге Логвинов засиделся на должности командира взвода, которую давно уже перерос. Однако отношение к старшему лейтенанту со стороны командования уже было как к офицеру с большим опытом. И потому ему вполне можно было поручить то, что обычно командир отряда контролировал сам.

Старший лейтенант ушел, а подполковник позвонил начальнику штаба мотострелкового батальона, на территории которого спецназ ГРУ жил, и попросил от своего лица и от лица республиканского управления ФСБ, не сомневаясь, что там к его просьбе присоединятся, выделить на несколько дней автомобиль. И желательно с местным водителем, который знает дороги республики и населенные пункты. Начальник штаба мотострелкового батальона пообещал прислать в течение получаса «уазик». Водитель местный, аварец, но человек надежный, хотя чересчур горячий, как настоящий горец, и излишне любит пускать в ход оружие, даже тогда, когда этого можно избежать. Как лицо гражданское, табельного оружия не имеет, но у него есть травматический лицензированный бесствольный пистолет «Оса». Иногда пытается самовольно взять в руки чужое табельное оружие и пустить его в ход. И поведение водителя требовалось контролировать, чтобы время от времени «притормаживать» его, не давать войти в раж, во избежание серьезного конфликта. Такое положение вполне устраивало подполковника Устюжанина. Осталось только дожидаться появления машины под окнами.

Пока Виталий Владиславович ждал, пришел шифровальщик и принес шифротелеграмму от командующего войсками спецназа ГРУ. Полковник пообещал, что группа снайперов вылетит в Уйташ сегодня вечером спецрейсом из аэропорта Жуковского. Все снайперы – солдаты и сержанты контрактной службы. Требовалось их встретить, разместить и поставить на довольствие. Продовольственные аттестаты находятся на руках у каждого бойца группы. Что касается вооружения, то полковник Мочиллов сумел все-таки раздобыть пять отечественных крупнокалиберных снайперских винтовок «В-94», пять винтовок «СВН-98»¹³ и одну КСВ – самозарядный гранатомет «Barrett XM109».

Сам подполковник Устюжанин понятия не имел о последней модели и вообще ничего не слышал о снайперской винтовке, которая одновременно является и самозарядным гранатометом. Но полковник Мочиллов в шифротелеграмме объяснил, что винтовка эта создана американскими оружейниками, но не принята на вооружение, поскольку отдача превышает допустимые в американской армии нормы. Все российские специалисты, опробовавшие винтовку, посчитали, что отдача не больше, чем у В-94. Стреляет гранатами калибра 25 мм. Но российские гранаты того же калибра не подходят. Поскольку винтовка-гранатомет на вооружение армии США не принята, фирма-производитель «Barrett Firearms», чтобы окупить затраты на разработку, поставляет ее в ряд стран, в которых нет таких строгих стандартов. В частности, в Грузию, где этот образец и был захвачен во время боев за Цхинвал. Тогда было захвачено три образца винтовки, но два были повреждены, а этот единственный остался целым и пригодным к использованию. Вместе с тремя винтовками было захвачено и немного гранат. Ограниченность арсенала полковник Мочиллов отметил особо и попросил по возможности беречь гранаты, поскольку наша промышленность только еще пытается кустарным способом воспро-

¹³ Крупнокалиберная снайперская винтовка российского производства, калибр 12,7 мм, стреляет специально для нее производимыми патронами повышенной мощности 12,7x108, пуля имеет каленый стальной сердечник, что делает ее способной пробивать самый прочный бронежилет с расстояния до 1200 метров. Производителем заявлена прицельная дальность стрельбы в два километра, однако практика показывает, что прицельная дальность этой винтовки не больше полутора километров. Является прототипом для более современной КСВ «ОСВ-96». Производится в Туле. Крупнокалиберная снайперская винтовка «СНВ-98» производится в Коврове. По своим характеристикам сравнима с «ОСВ-96». Использует аналогичные патроны.

известить аналоги по заказу спецназа ГРУ. Об индикаторах оптических систем, которые запрашивал Виталий Владиславович, не было сказано ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.